

На правах рукописи

Попова Нина Викторовна

**ФОЛЬКЛОРНЫЕ ТРАДИЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ
ПАВЛА ВАСИЛЬЕВА**

Специальность 10.01.01 – Русская литература

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Орел – 2017

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Литературный институт имени А. М. Горького»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Гусев Владимир Иванович

Официальные оппоненты: Хомяков Валерий Иванович, доктор филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского», кафедра журналистики и медиалингвистики факультета филологии и медиакоммуникаций, профессор

Бубнов Сергей Александрович, кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева», кафедра теории и методики обучения русскому языку и литературе, доцент

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»

Защита состоится «13» апреля 2017 г. в 12 часов на заседании диссертационного совета Д 212.183.02 ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева» по адресу 302026, Орловская область. г. Орел, Комсомольская улица, д. 41, корп. 3, ауд. 301А

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С.Тургенева» oreluniver.ru

Автореферат разослан «___» _____ 2017 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета

А.А. Бельская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Русская поэзия начала XX века дала миру много новых имен, самобытно интерпретировавших в своем творчестве богатство народной культуры и отразивших наиболее важные исторические события эпохи революционных потрясений. Но при всем многообразии значимых явлений в художественной литературе этого периода особое место занимает в нем выдающийся русский поэт Павел Васильев (1910–1937), которого называли «юношей с серебряной трубой» (С.А. Клычков), «нечаянной радостью русской поэзии» (Н.А. Клюев), «невероятно талантливым» (Р. Ивнев), «недюжинным дарованием» (М. Горький), «светилом новой русской поэзии» (А.В. Луначарский); в котором «соединились две доли, русская и азиатская» (В.В. Сорокин), и проявилось «органичное евразийство» (П.Д. Поминов). В полном социально-философских мотивов творчестве П. Васильева отразились все перипетии культурной жизни 20–30-х годов прошлого столетия – сложного и неоднозначного времени, когда, наряду с еще функционировавшей эстетической парадигмой модернизма, рождались новые художественные идеи и представления, формировалась постреволюционная концепция мира и литературы. Одним из важнейших составляющих этого процесса было исключительное внимание к народной жизни, в которой, как это не однажды было в русской истории, художники слова и мыслители искали ответы на насущные запросы стремительно меняющейся действительности.

Решение важнейшего для русской культуры вопроса о народности демократическая критика XIX столетия видела во взаимодействии фольклора и литературы. В.Г. Белинский считал, что только связь с народной культурой обеспечивает жизнь авторскому литературному творчеству. Н.Г. Чернышевский и А.Н. Добролюбов связывали понятие народности с гражданственностью в искусстве.

Для многих деятелей русской культуры второй половины XIX – начала XX века определяющим художественным принципом стало переосмысление потенциала фольклора, в результате чего «влияние народного творчества, его образов, тем, мотивов сказалось на всех видах искусства»¹. От Н.А. Некрасова и крестьянских поэтов (И.С. Никитина, И.З. Сурикова, С.Д. Дрожжина и др.) эта художественная линия ведет к С.А. Есенину и новокрестьянской поэзии (Н.А. Клюев, С.А. Клычков, П.В. Орешин, А.В. Ширяевец и др.), придавая в первые годы советской власти поэтам «с кольцовской закваской»² статус «литературных попутчиков революции».

Являясь связующей нитью между миром архаичных представлений и современной действительностью, фольклор играет огромную роль в истории

¹ Фролова, А.В. Художественная аксиология новокрестьянской поэзии первой трети XX века: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2006. – С. 4.

² Ежов, И.С. Революционная русская поэзия XX века // Русская поэзия XX века. Антология русской лирики первой четверти века. – М.: Амирус, 1991. – С. 40.

мировой культуры. Это – следствие коммуникативной природы произведения устного народного творчества, в котором событие не просто изображается как уже свершившийся факт исторической действительности, а конструируется коллективным художественным сознанием, создавая необходимые условия для национальной самоидентификации. Именно потому фольклор не исчезает с появлением письменной литературы, его художественное богатство становится общенародным достоянием, сохраняясь в национальной исторической памяти и генерируя особый литературный код, получивший название фольклоризма. Как справедливо отмечает В.Е. Гусев: «Фольклоризм – социально-детерминированный эволюционный процесс адаптации, репродукции и трансформации фольклора в условиях, отличающихся от тех, в которых развивался и бытовал фольклор».³

Под фольклоризмом мы, вслед за Т.В. Савельевой, понимаем «освоение писателем устного народного творчества и использование (осознанное и неосознанное) его в своих произведениях как на языковом, так и на структурно-композиционном, сюжетно-образном, мировоззренческом уровне».⁴

В отечественном литературоведении проблеме взаимодействия фольклора и литературы посвящены исследования М.К. Азадовского, Т.М. Акимовой, Н.П. Андреева, В.П. Адриановой-Перетц, А.Н. Веселовского, А.А. Горелова, В.М. Жирмунского, Н.П. Колпаковой, С.Г. Лазутина, А.А. Меньшиковой, И.А. Оссовецкого, Н.В. Покатиловой, Э.В. Померанцевой, В.Я. Проппа, В.М. Сидельникова, А.М. Сарбашевой и др. Фольклоризм как основа становления и развития особенного художественного метода всегда был в центре внимания современного отечественного литературоведения и в частности – таких выдающихся ученых, как Б.Н. Путилов, Н.И. Толстой, Л.Н. Виноградова, П.Г. Богатырев, В.Е. Гусев и др.

Литературный фольклоризм по-разному проявляется в различные исторические периоды, и установление его типологии – важная задача современного литературоведения. В этом вопросе мы опираемся на классификацию Л.П. Ивановой, которая выделяет следующие структурно-языковые типы фольклоризма: «1) целостное включение фольклорного образца в авторский текст, 2) использование элементов фольклора, 3) обращение к принципам фольклорного мышления»⁵. Эта классификация дает основание для выделения таких глобальных типов, как: «1) этнографический фольклоризм, 2) адаптированный фольклоризм, 3) творчески свободный фольклоризм»⁶.

Рассматривая поэтическое творчество П. Васильева в контексте указанных тенденций, необходимо учитывать особенности фольклорных текстов для

³ Гусев, В.Е. Фольклор и социалистическая культура // Современность и фольклор (к проблеме современного фольклоризма) // Современность и фольклор: статьи и материалы / Отв. ред. и сост. В.Е. Гусев. – М.: Музыка, 1977. – С. 8.

⁴ Савельева Т.В. Фольклоризм как стилевая черта творчества А.К. Толстого: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2006. – С. 6.

⁵ Иванова, Л.П. Типология фольклоризма в русской музыке XX века: автореф. дисс. ... д-ра искусствовед. – СПб., 2005. – С. 11.

⁶ Там же.

последовательного обнаружения их разнообразных репрезентаций. Естественно, что ряд специфических особенностей фольклорной культуры (коллективный характер создания, хранение и распространение в устной форме, варьированность, анонимность) по самой своей природе не может найти отражения в авторском литературно-художественном произведении. Но осуществленный П. Васильевым в рамках концепции «исторической и родовой памяти» (В.И. Хомяков⁷) синтез народно-поэтических традиций с индивидуально-личностным поэтическим мировосприятием, несомненно, проявляется на различных уровнях структуры авторского художественного текста и заслуживает тщательного изучения.

Анализ влияния русского народно-поэтического наследия и этнокультурных фольклорных феноменов на литературно-художественное творчество русских писателей остается одной из наиболее полемичных и актуальных проблем отечественной гуманитарной науки. Славянские (русские) и тюркские (казахские) фольклорные истоки поэтики П. Васильева представляются нам необходимой основой для объективного восприятия его поэтического творчества. В данном случае фольклоризм – это не только наличие внешних элементов сходства, но и сознательное обращение поэта к фольклорной эстетике, творческое переосмысление образно-тематических концептов на границе жанрово-композиционного взаимодействия элементов двух систем – народно-поэтической и литературно-художественной, обусловленное особенностями авторского мировоззрения, имеющего в своей структуре глубинный имагологический импульс.

Оценка фольклоризма П. Васильева не может осуществляться без учета евразийства поэта, факта его принадлежности одновременно к двум культурам – европейской и восточной. Евразийство вообще характерно для всей русской культуры XX века, а в творчестве П. Васильева оно нашло выражение в следовании двум разнородным фольклорным традициям – региональной казачьей и ориентальной, тюркской (казахской).

В настоящее время в отечественном и зарубежном литературоведении и литературной критике достаточно глубоко и разносторонне разработана научная оценка творчества и мировоззренческой позиции П. Васильева с учетом общественно-политической и философско-культурологической обстановки периода 20–30-х годов XX века и сложности творческой биографии поэта. В то же время опыты исследования самобытного художественного метода П. Васильева и влияния на него народного творчества не всегда удерживались в границах научной компетенции, зачастую переходя в политические, эстетические и общественно-нравственные области. Отсутствие работ, целостно представляющих данную тему на широком материале фольклорных источников и художественной литературы, придает **актуальность** настоящему исследованию.

1. ⁷ Хомяков, В.И. «Чудосотворенье». Человек и мир в поэзии Павла Васильева / В.И. Хомяков. – Омск: Вариант-Омск, 2011. – С. 7.

Изучение индивидуальной авторской модели использования фольклорного материала русского народа (семиреченских казаков) и народной литературы тюркских (казахских) племен; выявление особенностей генезиса фольклоризма билингвистического типа, по нашему мнению, восполняет пробел в изучении творческого наследия П. Васильева, что особенно важно в контексте актуализировавшейся в последнее время работе по осмыслению исторической значимости включения ориентального культурного комплекса в текст русской культуры (П.И. Тартаковский, П.В. Алексеев).

Таким образом, **актуальность** исследования обусловлена:

- необходимостью формирования целостного подхода к проблеме изучения творческих связей поэзии П. Васильева со славянским (русским) и тюркским (казахским) народно-поэтическим творчеством для научной реконструкции особенностей авторского поэтического дискурса в широком контексте процессов синтеза русской национально-образной системы с восточной культурной традицией;

- важностью изучения закономерности обращения П. Васильева, поэта социально-философской тематики, к песенным, сказовым и обрядовым народно-поэтическим традициям русского и казахского этносов для понимания путей и форм создания имагологически выверенного образного строя на основе синтеза народно-поэтического и литературно-художественного принципов осмысления действительности;

- необходимостью выхода при анализе проблем фольклоризма на уровень остро актуализирующихся в настоящее время процессов интертекстуальности и мультикультурности.

Степень разработанности темы диссертации. Проблеме анализа поэтического наследия П. Васильева посвящены исследования литературных критиков 30-х годов XX века О. Бескина, А. Куриловича, Н. Степанова, Е. Усиевич и др., рассматривавших творчество поэта в контексте требований того времени с позиций соответствия потребностям советской литературы. Существенный вклад в изучение творчества поэта внесли исследователи второй половины XX века, когда интерес к поэзии П. Васильева возродился и вышел на новый уровень: Н.А. Вилор, С. Волков, П.С. Выходцев, С.П. Залыгин, К.Л. Зелинский, И.Д. Ивлева, П.П. Косенко, А.А. Михайлов, С.А. Поделков, задачей которых стало определение места поэтического наследия П. Васильева в литературном процессе. На современном этапе развития науки творчество П. Васильева изучается Н.П. Васильевой-Фурман, Г.П. Ивановой, Ю.А. Изумрудовым, О.А. Иост, З.С. Мерц, М. Новиковым, И.И. Плехановой, К.Х. Рахимжановым, Е.В. Рубцовой, Р.А. Соколовой, В. Тыцких, А.В. Урмановым и другими исследователями. Вопрос о стилистических и концептуальных особенностях поэзии П. Васильева рассматривают в своих работах Т.В. Галкина, Д. Ибраева, О.А. Кувшинникова, С.Ю. Николаева и др. Значительное влияние на решение проблемы генезиса художественного стиля поэта оказали труды таких ученых, как Т.М. Мадзигон, Г.А. Тюрин, В.И. Хомяков и др. Вопрос о соединении в творчестве П. Васильева русской и

казахской культур посредством освоения поэтом элементов фольклорной системы данных народов намечен А.А. Решетовой, А.Ю. Хвалиным, С.К. Шаймардановой и др. Однако комплексно проблема воздействия на художественный метод П. Васильева указанных фольклорных источников еще не рассматривалась.

Объектом данного исследования являются поэтические произведения П. Васильева, имеющие ярко выраженную фольклорную ориентацию на уровне жанра, образной системы и художественно-стилистических средств.

Предмет исследования – типология билингвистического фольклоризма (влияние русского и казахского фольклора) в системе поэтического творчества П. Васильева.

Целью исследования стало изучение принципов создания в творчестве П. Васильева новой художественной эстетики, основанной на синтезе фольклорных жанровых, образных и стилистических элементов русского и казахского народно-поэтического творчества.

Обусловленные выбранной целью, в диссертации решаются следующие **задачи**:

1. Определение типа фольклоризма П. Васильева в контексте развития русской литературы 20–30 гг. XX столетия.

2. Выявление элементов жанровой системы регионального русского (фольклор семиреченских казаков) и казахского фольклора, оказавших влияние на формирование и развитие художественного стиля П. Васильева и становление его художественного метода.

3. Анализ образных и стилистических элементов регионального русского фольклора, послуживших основой для формирования новой поэтики П. Васильева.

4. Установление содержательных связей поэзии П. Васильева с казахской культурой и казахским фольклором, анализ роли имагологического фактора в изображении особенностей жизни и быта казахов-кочевников.

Материалом исследования стали поэтические произведения П. Васильева, а также – архивные рукописные документы, публикации, русские и казахские фольклорно-этнографические источники, песенные сборники казаков Сибири и Семиречья, образцы народной литературы тюркских племен.

Методологическую базу диссертационного исследования составили труды по проблемам общей поэтики (А.Н. Веселовский, В.М. Жирмунский, Д.С. Лихачев, Ю.М. Лотман, А.А. Потебня, Ю.Н. Тынянов, Б.М. Эйхенбаум и др.); по вопросам теории литературы (В.И. Гусев, С.М. Петров, В.И. Тюпа и др.); работы по теории фольклора, проблемам фольклористики и фольклоризма (А.Н. Афанасьев, М.К. Азадовский, П.Г. Богатырев, Ф.И. Буслаев, А.В. Затаевич, И.А. Оссовецкий, В.Я. Пропп, Б.Н. Путилов и др.); исследования жизни и творчества П. Васильева (Н.П. Васильева-Фурман, П.С. Выходцев, С.П. Залыгин, С.С. Куняев, Т.М. Мадзигон, А.А. Михайлов, С.А. Поделков, В. Тыцких, Г.А. Тюрин, В.И. Хомяков, С.К. Шаймарданова и др.); работы по русскому фольклору вообще и фольклору семиреченских казаков в частности

(М.М. Багизбаева, С.Г. Лазутин, Н.Г. Мякушин, Э.В. Померанцева и др.) и по казахскому фольклору (Б.Ш. Абдульдина, Б.Ш. Абылкасымов, В.В. Радлов и др.), а также исследования в области казахской культуры (Г.Н. Базарбаева, К.Ж. Елибаева, К.К. Сегизбаева и др.).

В диссертации использовался комплексный подход к изучению литературных произведений, сочетающий биографический, историко-литературный, сравнительно-исторический, мифопоэтический, структурно-семантический **методы** анализа.

Научная новизна диссертации определяется комплексным исследованием художественных текстов, принадлежащих к разным этапам творческого пути П. Васильева, в аспекте выявления принципов фольклоризма; установления преемственной связи поэзии П. Васильева с фольклорной традицией узких этнических слоев русского населения (песенное творчество семиреченского казачества) и фольклором тюркоязычных народов (казахское народно-поэтическое творчество) и определения оснований «евразийской» направленности творчества поэта.

Теоретическая значимость диссертации состоит в том, что результаты исследования открывают возможность создания научно обоснованного представления о формировании и развитии художественного стиля П. Васильева, о синтезе национальных фольклорных традиций в его творчестве. Обобщенные результаты работы развивают теоретические представления о типах соотношения народно-поэтического и литературно-художественного принципов осмысления действительности в художественном мире автора.

Практическая значимость диссертации связана с возможностью использования ее положений, теоретических аспектов и выводов в качестве основы для дальнейших научных исследований в области фольклористики, теории литературы и литературной критики. Результаты исследования могут найти применение в учебном процессе при преподавании курсов «Устное народное творчество», «Фольклорные традиции в русской поэзии», «Этнокультурные фольклорные компоненты в творчестве русских писателей», «Русская поэзия 20–30-х годов XX века», «История русской литературы», «Теория литературы», «Введение в литературоведение», а также – послужить основой для составления методических указаний, учебных пособий и программ элективных курсов в высших, средне-профессиональных и средних общеобразовательных учебных заведениях.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Павел Васильев – евразийский поэт, в творчестве которого обнаруживается сложный синтез разнородных культурных феноменов, создающих базу для формирования новой художественной эстетики, сыгравшей огромную роль в литературном процессе XX столетия.

2. Следование фольклорной традиции является важной составляющей творческой манеры, художественного метода П. Васильева и проявляется на разных уровнях его поэтического дискурса: жанровом (обращение поэта к различным большим и малым жанрам русского и казахского фольклора),

содержательном (опора на географические и природные реалии местности, где поэт вырос, – казахстанского Прииртышья), образном и символическом (использование автором устойчивых образов русского и казахского фольклора), поэтико-стилистическом (художественное переосмысление особенностей народно-поэтического творчества).

3. Обращение к русской и тюркской календарной и семейно-обрядовой поэзии (похоронным, свадебным, бытовым и рекрутским плачам и причитаниям) в творчестве П. Васильева является приемом, направленным на реконструкцию народного мифопоэтического мышления.

4. В художественной системе П. Васильева используются различные приемы взаимодействия с фольклором: цитация, прямые переключки, реминисценции, скрытые ассоциации, аллюзии, использование устойчивых образов и символики фольклора, что свидетельствует о соединении в его творчестве различных типов фольклоризма: от адаптивного, этнографически ориентированного, до жанрово-структурного, мировоззренческого и творчески свободного.

5. Функции фольклорных элементов русского и казахского поэтического творчества в поэзии П. Васильева многообразны: поэт использует их и как сюжетно-композиционный импульс, и как способ создания художественного контраста, и как средство портретно-речевой характеристики персонажа, и как имагологический фактор объективности исторического повествования (поэмы «Соляной бунт», «Песня о гибели казачьего войска», «Кулаки» и др.).

6. Разноуровневый фольклоризм П. Васильева демонстрирует открытость русской литературы, ее этнографическую компетентность, высокий уровень национальной самоидентификации.

Апробация результатов работы. Основные идеи и выводы диссертационного исследования были изложены в виде докладов на региональных, всероссийских и международных научных и научно-практических конференциях, среди которых II Международная поэтическая конференция «Негошевские вечера» (09-12.11.2014, Подгорица, Черногория), Двенадцатая межвузовская научно-методическая конференция «Гуманитарные науки и православная культура» (24-25.04.2014, МПГУ), VIII Международная конференция «Евангельский текст в русской словесности: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр» (9-11.06.2014, ПетрГУ), Международная научно-практическая конференция «Мировая словесность для детей и о детях» (23-27.06. 2014, МПГУ), XV Всероссийская научно-практическая конференция «Синтез в русской и мировой художественной культуре» (27-28.11.2014, МГПУ), V Международный Конгресс «Русская словесность в мировом культурном контексте» (18-22.12.2014, Фонд Достоевского. Гуманитарные программы и исследования), Международная научно-практическая конференция «Русский мир и евразийство в концептосфере поэтического творчества Павла Васильева» (к 105-летию со дня рождения поэта) (16-17.03.2015, РГУ), а также в 15 публикациях по теме диссертации, из которых 6 – в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ. Содержание

и выводы диссертационного исследования обсуждались на заседаниях кафедры теории литературы и литературной критики ФГБОУ ВО «Литературный институт им. А.М. Горького».

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав (одной теоретической и двух практических), заключения, библиографического списка, включающего 245 источников. Общий объем исследования – 169 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** предлагается общая характеристика работы, дается обоснование ее актуальности, определяются объект, предмет, цели и задачи предпринятого исследования, его методологические основания, научная новизна, теоретическая значимость и практическая ценность. Формулируются выносимые на защиту основные положения, уточняются использованные в ходе диссертационного исследования методы, определяется материал исследования, а также приводятся сведения, касающиеся апробации основных положений и практических результатов диссертации.

В **главе 1 – «Творчество П. Васильева в критике и литературоведении»** – проводится анализ научно-критической литературы о творчестве П. Васильева, опубликованной начиная с 1930-х гг. и до настоящего времени, что дает основания для выделения в восприятии исследователями наследия поэта определенных периодов.

В параграфе **1.1. – «Творчество П. Васильева в зеркале критики»** – представлен обзор критических высказываний о творчестве П. Васильева.

Культурная жизнь конца 20-х – начала 30-х годов характеризуется негативной эмоциональной и нравственной направленностью: господство авторитарной «единой идеологии» способствовало уничтожению всякого чуждоклассового свободомыслия. Советская литература 20–30-х годов находилась в процессе поиска новых поэтических форм, соответствующих целям и задачам революционной действительности. Лирика П. Васильева, увлеченного процессами преобразования страны и изменения устоев ее жизни, позволяет отнести его к тем представителям советских поэтов, которые всей душой приняли революцию. Многие ранние стихотворения поэта наполнены романтикой утверждения нового мира, характеризуются оптимистическим взглядом на свершения и преобразования молодой республики Советов. П. Васильев вошел в литературу со своим поэтическим словарем, со своим укладом, самобытной экспрессией и художественным стилем, прочно базирующихся на принципах народной эстетики: «Главенствующей особенностью его поэтики стало нераздельное слияние социальной проблематики с буйной, чувственной, избыточно красочной образностью, а также обращение к самым различным жанрам фольклора»⁸.

⁸ Мадзигон, Т.М. Творчество Павла Васильева: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1966. – С. 4.

Однако судьба поэта, творческая и человеческая, трагична. Погибший на взлете своего таланта (поэт был обвинен в заговоре против Сталина, репрессирован и расстрелян), яркий и одаренный поэт Павел Васильев долгое время оставался для основной массы российских читателей малоизвестным. И только в 50-х годах XX столетия поэзия и проза П. Васильева открылись как значимое явление русской культуры.

Внимательно анализируя оценки творчества П. Васильева критикой, можно сделать следующий вывод: на любом временном этапе изучения художественного наследия поэта у него были как преданные сторонники, так и ярые критики.

Критики и публицисты с момента появления первых произведений П. Васильева отмечали фольклорную ориентированность его творчества, но либо просто констатировали это как литературный факт, либо оценивали народность васильевской поэзии как признак антипролетарской кулацкой идеологии, реакционности, антисоветизма. Идеологами пролетарской революции крестьянин воспринимался как потенциальный враг, готовый, в силу своей мелкобуржуазной сути (Л.Д. Троцкий), при любой возможности предать революцию. Современная поэту критика и литературоведение порой давали его творчеству необоснованно резкую оценку. Негативными были высказывания Н. Степанова, увидевшего в творчестве П. Васильева проявление собственничества, псевдонародности и лубочного колорита⁹. Аналогичная точка зрения, относящая П. Васильева к разряду кулацких поэтов, была высказана и А. Тарасенковым¹⁰. Критик О. Бескин считал, что васильевские «реакционные срывы» будут со временем исправлены правильным пролетарским воспитанием¹¹. Е. Усиевич указывала, что внимание поэта к фольклору приводит к тому, что П. Васильев выражает в своих стихах враждебные и направленные против пролетариата эмоции и образы¹².

Но при этом даже в 30-х годах находились критики, которые разглядели в поэзии П. Васильева самобытные поэтические и фольклорные истоки. К ним следует отнести Д. Мирского, Н. Коварского и др. И хотя вокруг имени П. Васильева сложилась неоднозначная ситуация, наличие у него поэтического таланта признавали даже те, кто приложил руку к очернительству поэта и его последующей гибели. Широко известна трагическая роль М. Горького в жизни поэта, но рекомендацию в Союз писателей Васильеву дал именно он, понимавший высокую цену его творчества.

При жизни П. Васильева мнения о его творчестве были неоднозначными: большинство исследователей не смогли (и это соответствовало требованиям

⁹ Степанов, Н. О поэме П. Васильева «Соляной бунт» // Литературный современник. – 1934. – № 5. – С. 151-153.

¹⁰ Тарасенков, А. Мнимый талант // Литературная газета. – 1936. – 15 октября.

¹¹ Бескин, О. На новую дорогу. О «Соляном бунте» П. Васильева // Литературная газета. – 1933. – 12 декабря.

¹² Усиевич, Е. От чужих берегов / Е. Усиевич // Литературный критик. – 1934. – № 1. – С. 140-155.

времени, политической конъюнктуре) увидеть подлинную народность его поэзии, ее тесную связь с великими традициями прошлого. Не случайно поэтому, что именно публичные критические высказывания 20–30-х годов стали одной из причин гонений и гибели поэта.

Параграф 1.2. – «История исследования поэзии П. Васильева в российском литературоведении» – посвящен анализу истории формирования научных представлений о творчестве поэта.

Изучению творчества Павла Васильева посвящен ряд диссертаций, монографий и статей. После трагической гибели поэта в 1937 году последовали два десятилетия затишья в исследовании его творчества, приведшие практически к его забвению. В 50-х годах XX века, после посмертной реабилитации автора, изучение наследия Васильева продолжилось, с разной степенью интенсивности, вплоть до нашего времени. Учеными были признаны неоспоримые достоинства его поэзии, среди которых – народность, понимание тесной связи человека и природы, поэтическое мастерство и т.д. Желание исследователей осознать генезис народной линии в лирике П. Васильева является одним из основных побуждений изучения его творчества и в настоящее время.

Значительный вклад в исследование творчества П. Васильева в 1960-х – начале 1990-х гг. XX в. внесли статьи и кандидатская диссертация Т.М. Мадзигон «Творчество Павла Васильева» (1966), работы Н.А. Вилор, монография А.А. Михайлова «Степная песнь» (1983), кандидатские диссертации С.К. Шаймардановой «Поэтическое слово в контексте Павла Васильева» (1990) и И.Д. Ивлевой «Действительность и ее художественное воплощение в поэзии Павла Васильева» (1990). Особо следует выделить в этом ряду диссертационное исследование Г.А. Тюрина «Жизненный факт в литературоведческой и художественной интерпретации: На материале творческой биографии П.Н. Васильева» (1994), в которой анализируются различные типы художественной интерпретации в творчестве П. Васильева.

В начале XXI века в связи с осознанием необходимости возвращения наследия П. Васильева в русскую художественную культуру интерес к его творчеству вырос. Можно отметить в этой связи документальную повесть С.С. Куняева «Русский беркут» (2001), кандидатское исследование Е.В. Рубцовой «На грани свободы и принуждения» (2002), докторскую диссертацию В.И. Хомякова (2007) и др.

В настоящий момент в российской филологии в той или иной степени исследованием творчества П. Васильева занимаются Н.П. Васильева-Фурман, Т.В. Галкина, Д. Ибраева, Г.П. Иванова, Ю.А. Изумрудов, З.С. Мерц, С.Ю. Николаева, И.И. Плеханова, К.Х. Рахимжанов, А.В. Урманов, В.И. Хомяков, С.К. Шаймарданова и другие ученые.

На сегодняшний день в современном отечественном литературоведении наблюдается всплеск интереса к творчеству этого замечательного русского поэта, что наглядно доказывают международные научно-практические

конференции в Казахстане (Павлодар и Семипалатинск) и России (Москва, Омск, Рязань и др.).

Современные исследователи определяют статус П. Васильева как евразийского поэта, хотя приходится с сожалением констатировать, что именно этот аспект его поэтики изучен еще недостаточно.

В параграфе **1.3.** – «**Зарубежная критика и литературоведение о П. Васильеве**» – проводится анализ зарубежных исследований творчества П. Васильева.

Начиная с 30-х гг. XX века, зарубежные исследователи, свободные от идеологического подхода, обратили внимание на неоспоримые художественные достоинства поэтического стиля П. Васильева, высоко оценивая содержательность и глубину его произведений. В этом контексте выделяются американская публикация А. Куриловича 1935 года, высказывания Р. Иванова-Разумника (Нью-Йорк, 1951), книга В. Маркова «Приглушенные голоса. Поэзия за железным занавесом» (Нью-Йорк, 1952), заметки крупнейшего литературоведа первой волны русской эмиграции Г.П. Струве (Мюнхен, 1950; Лондон, 1972) и др. Зарубежные исследователи оценивали творчество П. Васильева не ниже, чем наследие общепризнанных лидеров советской поэзии 20–30 гг. прошлого века.

В главе **2** – «**Народно-поэтическое творчество как фактор становления художественного метода П. Васильева: фольклор семиреченских казаков**» – рассматриваются формы и способы воздействия русского фольклора на творчество поэта.

Выросший в Казахстане, в местах, географически и исторически связанных с фольклором семиреченских казаков, П. Васильев опирается в своем творчестве на фольклор этого специфического этнического и культурного образования, обрабатывает его и включает в художественный строй своих произведений, используя разные фольклорные жанры, поэтические и стилистические фольклорные элементы.

В параграфе **2.1.** – «**Жанрово-тематическое взаимодействие с фольклором в контексте идейной проблематики и художественной структуры произведений П. Васильева**» – проанализирован фольклоризм поэзии П. Васильева на уровне жанровых форм.

Создавая свои произведения, П. Васильев опирается на жанровые формы казачьего фольклора. Предметом освоения в его стихах и поэмах становятся и большие, и малые жанры фольклора семиреченских казаков: частушки, запевки, песенки с подпевками, загадки, байки, колыбельные песни, небылицы и др. используются писателем как вставные элементы в текстах поэм для того, чтобы создать художественно-выразительный контраст, представить языковой портрет того или иного персонажа.

Так, например, в поэме «Соляной бунт» (1932-1933) малые жанры фольклора используются в части второй ««Сражение» у Шапера», где повествуется о трагическом моменте – избиении казаками кочевников-киргизов. Несомненной функцией использования здесь произведений малых

фольклорных жанров является создание контраста между веселым настроением, характерным для частушек («*У рябого милую / Отберу я силою...*»), припевок («*Ну, кака-никака песня, / А лучшие драки, / Кака-никака мила / Лучшие собаки...*»), загадок («*Сто двадцать одеж, / А поверху – плешь, / Посоли да съешь...*»), песенок с подпевками («*...Пылают, светают / На яру костры, / Белы гуси / В воде плещутся.* / (Подпевалы: «*Загоняй гусей во двор.*»)), и трагическими описаниями действительности, страшной «работой» казака, который вынужден убивать таких же труженников, как и он сам: «*Рубили / Сырые и босые / Трижды сырых / И трижды босых*». Вставные элементы в поэме «Соляной бунт», основными компонентами которых являются жанровые формы фольклора, помогают поэту достичь огромной силы выразительности.

В 11-й главке «Песни о гибели казачьего войска» (1939-1930) звучит наполненная грустью колыбельная мелодия. Эта вставка, опирающаяся на образцы народного казачьего фольклора, наполнена авторским содержанием, отражающим сюжетную линию произведения. Такой способ введения в текст фольклорного материала можно назвать жанрово-тематической реминисценцией. Колыбельная переходит далее в байку – еще один малый жанр казачьего фольклора, который позволяет автору, в соответствии с особенностями данного фольклорного строя, передать в простой форме скрытое трагическое содержание. В поэме «Песня о гибели казачьего войска» встречаются и побаски, и песенные повторы, и сказы, а также различные виды игрового потешного фольклора: небылицы, заклички, присказки, молчанки, уловки, приговоры. Практически каждая главка поэмы основана на той или иной жанровой фольклорной форме, чем во многом и объясняется полиметричность поэмы.

Из больших фольклорных форм важными для художественного строя произведений П. Васильева стали такие жанры обрядовой казачьей поэзии, как песни свадебного обряда и похоронный плач, а также – рекрутская и походная песни. Свадебная песня и похоронный плач образуют эмоциональную, композиционно-образную основу поэмы «Соляной бунт», символизируя сложность, контрастность и противоречивость повествования и приобретая важнейшее художественное значение: с их помощью П. Васильев талантливо создает контрастный диссонанс, совмещая в одном поэтическом пространстве раздольное веселье свадьбы и щемяще тоскливые напевы похоронной обрядовой песни.

Свадебные традиции воссозданы поэтом довольно точно. Каждый фрагмент, описанный в поэме, соответствует определенному уставу русской свадьбы. Кульминационному моменту свадебного действия, благословению, отъезду к венцу и девичнику предшествует описание важных обрядов: сватовство, рукобитье, заплачка, сговор, посадка, пропой. Начинается свадьба в поэме с традиционной заповки: «*Легок бубенец, / Мала тягота, – / Любой бубенец – / Божья ягода*». В этом описании слышны ритуальные выкрики, сопровождающие краткие выразительные диалоги.

В соответствии с народными представлениями поэт детально описывает волнение невесты, Насти Босой, ее страх за будущее, горестные предчувствия: *«А у невестоньки / Личико бе-е-ло, / Глазыньки темные»*. Автор наглядно показывает нам, что ждет невесту в действительности: *«И ведет невесту свою / Кружить ее – птицу слабую, / Травить ее, лисаньку, под улю-лю»*. Психологический параллелизм, наблюдаемый в этом примере, имеет большое значение для приема стилизации в творчестве П. Васильева.

Похоронные причеты в поэме, когда атаман Корнила Ильич *«до самых скул, до бровей в сырой земле потонул!»*, согласно народному похоронному обряду, начинаются с риторического вопроса к покойному атаману: *«Да чьи тебя руки вынянчили? / Да чьи тебя груди выкормили? / Да кто тебя только / Жи-и-ить учил?»*. Важной частью плача являются традиционные жалобы о том, что семья теперь осиротела, что ей трудно теперь будет без кормильца: *«Без тебя мы в темени, / В холоду»*. Для того, чтобы умиловить усопшего, обезопасить себя от его недовольства, перечисляются, с явным преувеличением, заслуги и доблести покойника: *«Чтобы тебе, лебедь, / Столько пера, / Сколько он оставил / Людям добра»*. Плакальщицы по традиции непременно должны сообщить собравшимся конкретные детали гибели покойного (зарубленного казаком Гришкой Босым): *«Выбили из гребня / Заглавный зуб, / Отрезали шапкой / Заглавный чуб»*.

Походная и рекрутская песни помогают П. Васильеву воссоздать отношение казаков к воинской службе. Сравнивая народную рекрутскую песню и элемент рекрутского плача у П. Васильева («Песня о гибели казачьего войска»), можно увидеть наличие несомненного сходства, предельно точного и на образном уровне (образ птицы, связанный с «отлетом» провожаемого рекрута в дальние края), и на стилистическом (психологический параллелизм мира природы и мира человека), и на эмоциональном (всеобщее сочувствие рекруту и его родственникам). П. Васильев не прибегает здесь к цитации, его текст оригинален, но связь с фольклором настолько тесная, что может быть оценена как сознательная художественная аллюзия, объектом которой становится весь фольклорный комплекс, выступающий в данном случае в качестве прецедентного феномена.

В творчестве П. Васильева несомненны связи с эпическим народно-поэтическим повествованием, его жанровыми особенностями, стилистикой и поэтикой. Фольклор осваивается поэтом творчески разнообразно, в каждом конкретном случае обращения к фольклорному материалу поэт находит способ получения от этого синтеза максимального художественного эффекта.

Параграф 2.2. – «Поэтика регионального казачьего фольклора и поэзия П. Васильева» – содержит характеристику художественных аспектов воздействия регионального казачьего фольклора на стиль поэта.

Анализ творчества П. Васильева убедительно показывает органичную близость его поэтики и народно-поэтического творчества. К художественным приемам, восходящим к фольклору, в поэзии П. Васильева можно отнести психологический параллелизм мира природы и мира человека, повторы разного

типа (в том числе сложение, тоекратные повторы), эпитеты и другие формы речевой выразительности. К примеру: в стихотворении «Далеко лебяжий город твой...» (1932) начальная строка, давшая название всему стихотворению, повторяется три раза, придавая размышлениям лирического героя своеобразную цикличность, знаменуя постоянное возвращение к одной и той же мысли. Разновидностью повтора в фольклоре является также устойчивое семантическое сложение (*жили-были, девица-красавица* и под.), в целом характерное и поэтическому стилю П. Васильева. С помощью этого приема в стихотворениях поэта создается особая напевность, формируется народный музыкально-поэтический строй: «*С ветром рука в руку / Скольжу-бегу...*» («Песня о гибели казачьего войска»).

Автор часто использует в своих произведениях устойчивые фольклорные образы (сизый голубь, сокол, лебедь, река и др.), как в традиционном для народно-поэтического творчества смысле, так и в авторской интерпретации, творчески перерабатывая их и органично вводя в ткань собственного творчества. Встречающийся в сборнике «Фольклор семиреченских казаков» пример психологического параллелизма, основанный на орнитологическом образе: «*Два голубчика, два сизые, / Два сизые, сизокрылые*» («Как по дубам-дубчикам»), использован у П. Васильева, правда, с несколько иным, чем в фольклоре, наполнением: «*Ваши руки стаями на меня летят – / Сизыми голубицами, соколами, лебедями*» («Прощание с друзьями», 1936). Если в фольклорной венчальной песне этот образ символизирует жениха и невесту, то в авторском варианте образ используется для метонимического сравнения рук друзей с птицами. Однако связь здесь несомненна: именно образный строй фольклора подпитывает поэтический дискурс автора. При этом в поэзии П. Васильева встречается и традиционное изображение сизого голубя в метафорике свадебного обряда: «*А парень шел среди двора / То сизым голубем, / То вдруг / Чертя, что ястреб, полный круг. / Невеста! Струнный лепет тих, / Зовет рукой тебя жених...*» («Христоробовские ситцы», 1935-1936). Обращаясь к фольклорному образу, автор может использовать его и в соответствии с народной символикой, и создавая собственную художественную ассоциацию. В художественном сознании поэта происходит творческое переосмысление фольклорного элемента, совмещение его традиционного значения с новой художественной эстетикой.

Ряд традиционных образов фольклора (образы дороги, хоровода, грозы и др.) П. Васильев перерабатывает настолько сильно, что они становятся частью его индивидуально-авторской поэтической манеры. Так, например, хоровод в этой системе художественных координат символизирует семейное благополучие, лад: «*Темный ситец бабки и красный / Женин ситец / И сыновья, – / Всей семьи / Хоровод согласный, / Вся наряженная семья*» («Кулаки», 1933-1934), и связывается с традиционными народно-поэтическими образами скрытыми ассоциациями: на основе переосмысления их автор создает оригинальные многозначные художественные образы и мотивы.

Художественный метод П. Васильева во многом сформировался под воздействием элементов фольклора семиреченских казаков, причем фольклорные компоненты вошли в васильевский стиль настолько прочно, что стали его неотъемлемой частью, трансформировались и слились в совершенно оригинальном литературно-художественном единстве.

В главе 3 – «**Казахская фольклорная традиция в творчестве П. Васильева**» – рассматривается второй компонент «евразийского синтеза» в творчестве поэта – азиатская (тюркская, казахская) традиция.

В параграфе 3.1. – «**Имагологический аспект взаимодействия казахского фольклора и поэзии П. Васильева**» – выявляются многообразные внешние признаки ориентализма, реализуемые в этнографических и национально-тематических содержательных феноменах, отсылающих к азиатской, казахской народной культуре.

В стихах П. Васильева воссоздан образ Казахстана – страны, где формировался поэт, которая наполнила его восприятие определенными реалиями, оказывавшими влияние на все дальнейшее творчество поэта, на мир его излюбленных образов. Неотъемлемыми чертами Востока, реализовавшимися в творчестве П. Васильева, являются географические реалии – водные объекты (гидронимы): Иртыш, Ишим, Бухтарма, Балхаш, Арал; пустыня Кызыл-Кум; населенные пункты (топонимы): Павлодар, Каркаралы, Куянды и др. К примеру, Иртыш близок поэту своим буйством и силой, стремительным течением: «*Князь рыб и птиц, беглец зеленоводый*» («Иртыш», 1934). Не мог поэт не упомянуть и озеро Балхаш, являющееся вторым в мире по величине непересыхающим соленым озером и расположенное на юго-востоке Казахстана: «*Где камыши тигриного Балхаша / Качают зыбь под древней синевой*» («Путь в страну», 1930). В творчестве поэта возникает выразительный образ этого озера, окруженного камышами: «*И стадо кабанье грызет камыши*» («Киргизия», 1930). На сегодняшний день почти пересохшее Аральское море осталось в стихах П. Васильева многоводным: «*Вот и море Арал известно, / Синее, / Как порох на ладони*» («Лодки на Арале», 1929-1931).

Стержневой частью образа Казахстана является в творчестве поэта «родительница степь», вошедшая в его стихи как важнейший концепт казахской картины мира. Степь нередко выступает как начало негативное: «*Смотри, казак! / Степь широка-а-а, / Жестока степь, / Ой, жестока-а-а!*» («Соляной бунт»); ассоциируется с простором, свободой и одновременно – с непокорностью; очень редко и только в лирике мы видим степь спокойную, мирную: «*Голубеют степи на закате...*» («Письмо», 1927). В.И. Хомяков, анализируя образ степи в стихах П. Васильева, отмечал выражение в данном образе антропоморфных представлений, его космичность, восприятие поэтом степи как Вселенной, как символа воли и пространственного ориентира¹³.

¹³ Хомяков, В.И. Художественная картина мира в творчестве П. Васильева: из истории мировоззренческих и стилевых исканий в русской поэзии 1920-1930-х годов: дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2007. – 386 с.

Образы пастбищ, пустыни, песка, гор, ветра, соли, пыли, джута, пожара, связанные с мятежностью, буйством, климатической контрастностью природы Прииртышья, формируют соответствующую систему символов и мотивов в стихах поэта. С мотивом пустыни в изображении П. Васильевым родного края соединено особенное природное явление, занимающее важное место в образной иерархии поэта, – песок: «*У меня ли на сердце полынь да песок, / Да охрипшие ветры!*» («И имя твое, словно старая песня...», 1931). Песок в художественном пространстве стихов П. Васильева не лежит – он летит, хлещет в лицо, набивается в рот.

Важную часть художественного мира поэта составляют образы животных и растений (карагач, тополь и др.). Среди животных, специфических для Прииртышья, можно отметить степных волков (кашкыры): «*Погодите, кашкыры, / Погодите, разбойники, / Мы вас окружим, / Свяжем...*» («Басмачи», 1929-1931); очень значимых для кочевников верблюдов: «*И снова, снова идут верблюды / На север, на запад и на восток*» («Семипалатинск», 1931); больших серых чаек – мартынов: «*Мартыны и чайки кричат над Балхашем*» («Киргизия»); степных орлов, символизирующих полет и свободу: «*Над степями плывут орлы / От Тобола на Каркаралы*» («Ярмарка в Куяндах», 1930). Именно благодаря природному колориту казахского края мир поэтических образов П. Васильева приобрел свой особенный, не схожий с образной системой других поэтов вид.

С казахской картиной мира связана колористическая система применяемых поэтом образов визуального ряда – цветов, среди которых выделяются желтый, красный, синий, голубой, черный. Красный цвет для поэта многозначен, это символ крови, символ новой власти (красные знамена) и одновременно – символ красных девичьих губ: «*Созревших губ, которых я не смог / Еще коснуться, но уже боюсь / Коснуться их примятых красных ягод*» («Дорога», 1933). Синий – цвет неба, гор, льда, дали, цвет вечерних сумерек: «*Где синим вечером звенит июль*» («Песня об убитом», 1927). Голубой цвет указывает одновременно на воду и небо: «*А потом в татарской узде, / Вздыбившись под объездчиком сытым, / Захлебнувшись / В голубой небесной воде, / Небо зачерпывал копытом*» («Конь», 1932). Зеленый – цвет камыша, пыльных зарослей, грязной воды: «*Грузно режешь быстрый Иртыш, / Воду зеленую режешь*» («Пароход», 1928). Это буйство красок обусловлено сформированным в степном краю мировосприятием поэта. Цвета переполняют изображаемые им картины, но любимый цвет П. Васильева – желтый, связан, видимо, со степью и солнцем – главными деталями картины дорогой ему природы Прииртышья. Этот цвет нередко включается поэтом в фактурные соцветья, в полной мере отражая уникальную красоту родной земли: «*Желтые пески, зеленые воды, / Да гусями белыми пароходы*» («Песня о гибели казачьего войска»). Черный цвет, имеющий особое семантическое значение в казахском языке, выделяется на фоне создаваемого поэтом простора и многообразия ярких цветов и используется в образных построениях, например, как противопоставление позитивному началу, как цвет души: «*Медь в моих кудрях*

и пепел, / Ты черна, черна, черна. / Я еще ни разу не пил / Глаз таких, глухих до дна» («Я тебя, моя забава...», 1932).

Содержательный строй поэзии П. Васильева отражает традиции, обычаи и легенды казахов. В результате постоянных апелляций поэта к реалиям родного края в его стихах создается особое пространство, все составляющие которого – запахи, звуки, вкусы, ощущения – отсылают к явлениям, связанным с Востоком, Азией, Казахстаном. Можно даже сказать, что в известной мере на уровне чувственного восприятия П. Васильев – поэт больше азиатский, чем русский.

Используемые Васильевым казахские слова, тюркизмы и казахизмы, выполняют определенную роль в каждом маркированном ими тексте и оказывают на читателя особенное эстетическое и эмоционально-экспрессивное воздействие: «некерек», «джаман», «азрак тратур», «бельмейм», «юрта», «байга», «чувлук», «кумыс», «айрам», «кошма», «отара», «джигит», «мулла» и др. С их помощью поэт точно, детально и ярко обрисовывает традиции и уклад жизни казахов, их обычаи, сложившиеся в течение столетий.

В параграфе **3.2. – «Черты ориентализма в поэтике П. Васильева»** – исследуются точки соприкосновения поэта с казахским фольклором на жанровом, стилистическом и художественном уровне.

Для поэтико-стилистической системы П. Васильева значимым становится восприятие жанровых особенностей казахского фольклора. Близкими поэту оказываются такие национальные жанры, как песня-заклятие, формы казахского эпоса, малые жанры фольклора. Для казахского народно-поэтического творчества большое значение имел жанр песни, связанный с устной традицией пения в музыкальном сопровождении. В стихах П. Васильева фигурируют такие национальные казахские музыкальные инструменты, как домбра и дудка. Герой и инструмент в художественном описании поэта едины: *«На домре спокойно застыла рука, / Костра задыхается пламя. / Над тихой юртой плывут облака / Пушистыми лебедями» («Товарищ Джурбай», 1930).*

Традиционный для казахского фольклора жанр заклинания (заклятия) появляется в поэме «Соляной бунт», где автор одновременно приводит и заклятие, и проклятие, которые произносят казахи: *«Будь ты / Каждым рождением / Проклята, / Соль! / И еще раз рождением / Проклята, / Соль! / Искушившая землю / И стебли, соль! / Целовавшая руки / И губы, / Соль!»*. С помощью данного жанрового элемента поэт показывает глубину горя кочевников. Традиционные казахские фразы «ай-налайн» ('моя милая'), «кайда барасен?» ('куда идёшь?') и другие часто используются в текстах стихотворений П. Васильева, проходят рефреном через поэму «Соляной бунт».

Мифологические образы, которые использует поэт, обозначают синкретизм человека и природы, характерный для казахского фольклора. Поэт воспринимает природную стихию как живую и обращается к ней, призывая, заклиная, благодаря. Элементы малых жанров казахского фольклора – приговорок, пословиц и поговорок – введены в поэму «Соляной бунт», цикл «Песни киргиз-казаков» (1929-1931) («Песня о Ленине», «Рыжая голова»,

«Улькун-вошь», «Охота с беркутами», «Песня о торговцах звездами и Джурабае», «Самоклады казахов на Семиге» и др.): *«Лучше иметь полный колодец воды, / Чем полный колодец рублей, / Но лучше иметь совсем пустой колодец, / Чем пустое сердце».*

Среди мифообразов есть немало, отсылающих к казахскому «демонарию»: *«И в глазах у них / Пляшет страх: / Черную байбичу – / Чуму – / Выслали / Нас сжигать / На кострах!»* («Соляной бунт»). Кроме того, к казахским по происхождению в творчестве П. Васильева можно отнести образы коня, джигита, вольной птицы (сокола, ястреба), образы дороги, рода (семьи) и др. Изображенные им кони великолепны, полны энергии и степной красоты, они – воплощение жизни, степи, азиатского духа, которым пропитана любимая поэтом земля: *«Я помню шумные ноздри скачек / У жеребцов из-под Куянды, / Некованых, / Горевых / И горячих, / Глаза заживавших / Кострами беды, / Прекрасных, / Июльскими травами сытых, / С витыми ручьями нечесаных грив... / Они танцевали / На задних копытах / И рвали губу, удила закусив»* («Песнь о хладнокровьи», 1933).

В метафорах и сравнениях, которые конструирует поэт, нередко концентрируются образы, восходящие к казахскому фольклору, характерные только для жителя вольной павлодарской степи, впитавшего в себя две составляющие – европейскую и азиатскую. В тропях, использованных П. Васильевым, находит отражение почтение к песне, к высокому в восприятии степняка статусу поэта-акына, каковым подчас ощущает себя и лирический герой поэта: *«Начинаем мы нашу погоню / Под высоким, как песня, солнцем»* («Охота с беркутами»). Выбор в качестве объектов сравнения растений и животных, характерных для природы павлодарского Прииртышья, тоже отражает следование восточной традиции: *«В городе Атбасаре / Бабы ладные на базаре, / Румяные, белые, / Словно дыни спелые...»* («Соляной бунт»).

Проведенный анализ произведений П. Васильева показывает их тесную связь с русским и казахским народным творчеством. Обнаруженные признаки влияния поэтико-стилевой и жанрово-тематической системы русского и казахского фольклора на художественное творчество поэта представляют собой уникальный синтез, свойственный экспрессивной поэтике этого удивительного автора.

Помимо разнообразных связей с казахским фольклором и народной казахской культурой, переводов («Посвящение» («Арнау») к поэме «Степь» И. Джансугурова), в творчестве поэта слышны переключки с наследием великого поэта казахской земли – Абая (Абай Кунанбаев, 1845-1904). Культурное взаимодействие П. Васильева и Абая Кунанбаева представляется нам знаковым в связи с идеями самого Абая, переводчика на казахский язык произведений А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова, о диалоге культур. Мы наблюдаем здесь непрерывность культурных связей: Абай черпал вдохновение в русской культуре, а П. Васильев обогащает свой творческий почерк апелляциями к культуре казахской.

Культура Азии, неразрывно соединенная с культурным богатством России, характеризует оригинальный поэтический дискурс П. Васильева, ставший основой для создания в будущем «восточного текста» русской культуры.

В **Заключении** подводятся итоги работы, формулируются основные результаты исследования и намечаются его перспективы.

Выдающийся русский поэт первой половины XX века П. Васильев сумел соединить в своих произведениях богатство национальных поэтических культур русского и казахского народов. Сочетание мотивов, обусловленных влиянием регионального казачьего фольклора, и ориентальных черт стало основой творческой манеры писателя, его неповторимого авторского стиля. Во многом именно народность творчества П. Васильева явилась причиной гонений на него, обвинений в сочувствии потенциально «реакционному» крестьянству и трагической гибели поэта в 1937 году.

Проведенный анализ русской и казахской фольклорных составляющих в художественном методе П. Васильева позволяет подтвердить тезис о том, что он является евразийским поэтом, в творчестве которого фольклорные традиции русского и тюркского народов составляют сложное художественное единство. В восприятии поэта русская и казахская народно-поэтические составляющие слились настолько тесно, что подчас их невозможно разделить, вычленив из индивидуального авторского стиля.

В использовании различных фольклорных элементов в поэзии П. Васильева отмечается неповторимый синтез различных типов фольклоризма. Жанровый фольклоризм проявляется в обращении автора к разным большим и малым жанрам русского и казахского фольклора. Максимальной степенью взаимодействия здесь является такой структурный тип фольклоризма, как включение фольклорного образца в авторский текст в целостном, неизменном виде, но чаще поэт творчески воспроизводит только какие-то определенные элементы и апеллирует к глубинным принципам фольклорного мышления.

Осваивая поэтическую систему русского фольклора, Васильев обращается в своем творчестве к жанрам семейно-обрядовой поэзии (похоронным, свадебным, бытовым и рекрутским плачам и причитаниям и др.), а также – к историческим и походным песням. Переосмысление их в творчестве П. Васильева указывает на проникновение автора в глубь народного мифопоэтического мышления. Малые жанры русского фольклора (частушки, запевки, песенки с подпевками, загадки, байки, колыбельные песни, небылицы и др.) позволяют автору привнести в его поэтические произведения уникальный народный колорит, сделать их более контрастными и художественно выразительными. Особенно значимым является введение Васильевым элементов жанровых форм русского фольклора в поэмы «Соляной бунт» и «Песня о гибели казачьего войска», где с их помощью автором достигается своеобразное многозвучие, жанровая и стихотворная полифония.

Жанровая система казахского фольклора обогатила творческий метод поэта такими структурно значимыми феноменами, как песенная композиция (в

том числе песня-заклятие), поэтическая система казахского героического эпоса и малых жанров (приговорки, пословицы). Жанр песни помогает П. Васильеву реализовать лирическую составляющую его поэтического творчества, наполнить его характерной для фольклора напевностью. Обращение к разным жанрам казахского фольклора (стихотворения «Самокладки казахов Кзыл-Орды», «Песня о Серке», «Поднявшееся солнце», «Песни киргиз-казаков», поэма «Соляной бунт» и др.) способствует повышению эмоционального тона произведений, делает более разнообразным их стихотворный строй и структурное оформление.

Этнографический фольклоризм П. Васильева состоит в опоре художественного текста на актуальные для фольклорной системы (в данном случае – казахские) этнографические реалии, отсылку к географическим объектам определенной местности и определенной этнической общности. В целом можно охарактеризовать фольклоризм П. Васильева как творчески свободный, полностью отвечающий идейно-художественному замыслу автора и выступающий как одно из сильнейших средств реализации этого замысла. В ряде случаев фольклоризм П. Васильева выходит на высшую ступень обобщения – становится мировоззренческим, когда художественные принципы отображения действительности автором и народным поэтическим сознанием сближаются максимально.

Отмеченный в творчестве П. Васильева разноуровневый фольклоризм демонстрирует открытость русской литературы, ее этнографическую компетентность, высокий уровень национальной самоидентификации.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК:

1. Попова, Н.В. Павел Васильев: «Разожги мне на сердце костры» / Н.В. Попова // Литература в школе. – 2015. – № 2. – С. 16-18.
2. Попова, Н.В. «Родовое начало» в поэзии Павла Васильева / Н.В. Попова // Проблемы исторической поэтики. Вып. 12: Евангельский текст в русской литературе XII-XXI веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып. 9. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2014. – С. 471-480.
3. Попова, Н.В. Важнейший аспект фольклорного влияния на поэтический метод П. Васильева / Н.В. Попова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 12 (42). – Часть 3. – С. 141-145.
4. Попова, Н.В. Элементы семейной обрядовой поэзии в эпической поэме П. Васильева «Соляной бунт» / Н.В. Попова // Вестник Московского государственного областного университета. – 2014. – № 6. – С. 100-106.
5. Попова, Н.В. Павел Васильев и Абай: творческие переключки / Н.В. Попова // Успехи современной науки и образования. – 2016. – Т. 3. – № 8. – С. 110-113.

6. Попова, Н.В. Поэтико-стилистические особенности казахского фольклора как элемент художественного метода П. Васильева / Н.В. Попова // Успехи современной науки и образования. – 2016. – Т. 3. – № 8. – С. 173-176.

Научные статьи и материалы, опубликованные в других изданиях:

7. Попова, Н.В. Поэтика Павла Васильева с точки зрения методологических принципов литературоведения американских ученых Р. Уэллека и О. Уоррена (По материалам книги R. Wellek and A. Warren / Theory of Literature (Penguin Books) / Н.В. Попова // Проблемы современной науки и образования. – 2014. – № 5 (23). – С. 48-56.

8. Попова, Н.В. Христианские ценности в творчестве Павла Васильева: фольклорные истоки / Н.В. Попова // XII Пасхальные чтения. Мат. Двенадцатой науч.-метод. конф. «Гуманитарные науки и православная культура». – М: МПГУ УНФЦ, 2015. – С. 84-91.

9. Попова, Н.В. «Посулила жизнь дороги мне ледяные...» / Н.В. Попова // Полдень. – 2014. – Вып. 13. – С. 191-195.

10. Попова, Н.В. Павел Васильев. Человеческое измерение / Н.В. Попова // Пролог. – 2014. – № 4. – С. 122-124.

11. Попова, Н.В. «Про меня ж, бедового, спойте вы...» / Н.В. Попова // Московский вестник. – 2014. – № 3. – С. 272-278.

12. Попова, Н.В. Павел Васильев: «Славлю жизнь с улыбкой и печалью...» / Н.В. Попова // Общеписательская литературная газета. – 2014. – № 11 (60).

13. Попова, Н.В. Элементы сказочной традиции в творчестве П.Н. Васильева / Н.В. Попова // Мировая словесность для детей и о детях: Мат. Междунар. науч.-практ. конф. (23-27 июня 2014 г., МПГУ). – М.: МПГУ УНФЦ, 2015. – С. 57-62.

14. Попова, Н.В. Особенности художественного стиля П.Н. Васильева: синтез естественного материализма с фольклорной романтизацией сил природы (на материале лирической поэмы «Лето») / Н.В. Попова // Синтез в русской и мировой художественной культуре: Мат. XV Всерос. науч.-практ. конф., посв. памяти А.Ф. Лосева. – М.: МПГУ УНФЦ, 2015. – С. 19-24.

15. Попова, Н.В. На крыльях азиатских ветров: Казахстан в творчестве Павла Васильева / Н.В. Попова // V Международный Конгресс «Русская словесность в мировом культурном контексте»: Избранные доклады и тезисы. Том 1. – М.: Белый ветер, 2015. – С. 140-143.